

ТАТЬЯНЫ ПОЛЯКОВОЙ:

Деньги для киллера
Ставка на слабость
Тонкая штучка
Я – ваши неприятности
Строптивая мишень
Как бы не так
Чего хочет женщина
Сестрички не промах
Черта с два
Невинные дамские шалости
Жестокий мир мужчин
Отпетые плутовки
Ее маленькая тайна
Мой любимый киллер
Моя любимая стерва
Последнее слово за мной
Чумовая дамочка
Интим не предлагать
Овечка в волчьей шкуре
Барышня и хулиган
У прокурора век недолог
Мой друг Тарантино
Чудо в пушистых перьях
Любовь очень зла
Час пик для новобрачных
Фитнес для Красной Шапочки
Брудершафт с терминатором
Миллионерша желает познакомиться
Фуршет для одинокой дамы
Амплуа девственницы
Список донжуанов
Ангел нового поколения
Бочка но-шпы и ложка яда
Мавр сделал свое дело
Тень стрекозы
Одна, но пагубная страсть
Закон семи
Сжигая за собой мосты
Последняя любовь Самурая
Невеста Калиостро
Испанская легенда
4 любовника и подруга
Welcome в прошлое
С чистого листа
Мое второе я
Уходи красиво
Неутолимая жажда
Огонь, мерцающий в сосуде
Она в моем сердце
Тайна, покрытая мраком
Выйти замуж любой ценой
Судьба-волшебница

Наследство бизнес-класса
Змей-соблазнитель
Время-судья
Свой, чужой, родной
Разрушительница пирамид
Дневник чужих грехов
Особняк с выходом в астрал

Сериал «Таинственная четверка»

Миссия свыше
Коллекционер пороков и страстей
Знак предсказателя
В самое сердце
Четыре всадника раздора

Сериал «Я и Владан Марич»

Найти, влюбиться и отомстить
Жаркое дыхание прошлого
Не вороши осиное гнездо
Сыщик моей мечты
Голос, зовущий в ночи

Сериал «Фенька – Femme Fatale»

И буду век ему верна?
Единственная женщина на свете
Трижды до восхода солнца
Вся правда, вся ложь
Я смотрю на тебя издали
Небеса рассудили иначе

Сериал «Анфиса и Женька – сыщицы поневоле»

Капкан на спонсора
На дело со своим ментом
Охотницы за привидениями
Неопознанный ходячий объект
«Коламбия пикчерз» представляет
Предчувствия ее не обманули

Сериал «Ольга Рязанцева – дама для особых поручений»

Все в шоколаде
Вкус ледяного поцелуя
Эксклюзивный мачо
Большой секс в маленьком городе
Караоке для дамы с собачкой
Аста Ла Виста, беби!
Леди Феникс
Держи меня крепче
Новая жизнь не дается даром

Сериал «Одна против всех»

Ночь последнего дня
Та, что правит балом
Все точки над і
Один неверный шаг

Сериал «По имени Тайна»

Две половинки Тайны

Как бы не так

**ТАТЬЯНА
ПОЛЯКОВА**

Москва
2022

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
П54

ПРИСОЕДИНЯЙТЕСЬ К НАМ!

МЫ В СОЦСЕТЯХ:

www.eksmo.ru

 vmirefiction

 read_action

Редактор серии *А. Антонова*

Оформление серии *Н. Каштыкиной*

Полякова, Татьяна Викторовна.

П54 Как бы не так : [роман] / Татьяна Полякова. — Москва : Эксмо, 2022. — 320 с.

ISBN 978-5-04-154107-1

Марина — хирург и, на свою беду, спасла жизнь крупному уголовному авторитету. Да еще согласилась выполнить его просьбу — отвезти кейс с долларами в другой город. За ней охотятся враги спасенного ею мафиози, сам он тоже коварно подставляет ее. Смертельная опасность становится постоянной спутницей Марины, и тут на помощь ей приходит человек, которого она считала самым неприемлемым врагом...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-154107-1

© Полякова Т.В., наследники, 2022
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2022

У Марка Твена есть рассказ, забавная такая рождественская история — как один врач помог больному бродячему псу. На следующий день пес вернулся к дому врача, но не один: привел с собой другого пса, тоже больного. Врач умилился собачьей дружбе и второго пса тоже вылечил. Через день возле дома сидели уже три собачки: врач больше не умилялся, но лечил. Так продолжалось довольно долго: собаки все прибывали, а врач тихо сатанел. В один прекрасный день он взял ружье и перестрелял всю собачью компанию, явившуюся к дверям его дома. Мораль: доброе дело никогда не остается безнаказанным.

Я вспомнила эту историю, потому что нечто подобное произошло со мной: я тоже имела глупость сделать доброе дело. Строго говоря, это не было добрым делом в том смысле, которое обычно вкладывают в данное словосочетание: вообще-то я выполняла свой долг, так мне тогда казалось. Мне и сейчас так кажется, несмотря на то, что последовало за этим.

Я, как и герой Марка Твена, по профессии врач, хирург, работала в областной больнице. В ту ночь я уже давно закончила дежурство, но

домой не поехала — обстоятельства сложились так, что пришлось задержаться, причем надолго.

Дежурство выдалось хлопотное, я едва стояла на ногах и мечтала о том, как приду домой, встану под теплый душ, а потом завалюсь спать. На сутки, не меньше. Конечно, целые сутки мне ни за что не проспять, сплю я вообще мало, но мысль об отдыхе в тот момент согревала душу.

Я выпила стакан крепкого чая и перевела взгляд на часы, они показывали половину седьмого.

— Кто-нибудь займется этими проклятыми часами? — нахмурившись, задала я вопрос, разумеется, риторический. В ординаторской нас было трое: я, моя подруга Наташка, тоже врач, именно благодаря ей в ту ночь я все еще мыкалась в больнице, и медбрат Володя, которого в отделении уже лет пять звали просто Брат.

— Батарейки летят, менять не успеваю, — ответил Володя. Мужчина он крупный, медлительный и веселый. — Были часы механические, кому помешали? А эти... — он презрительно махнул рукой.

Пошарив на столе, под ворохом бумаг я обнаружила свои часы, взглянула на циферблат и присвистнула:

— Пора отчаливать.

Наташка слабо шевельнулась в кресле.

— Может, поспишь часок здесь, а потом поедешь?

— Нет уж, — заявила я. — О спокойном сне в этом заведении мечтать не приходится, а добраться до родного жилья я способна на автопилоте.

— Выспись как следует, — проявила заботу

подружка, я согласно кивнула и направилась к двери. Наталья побрела за мной.

— Ты в воскресенье за Панькова дежуришь, — сообщила она. — Помнишь? — Я вздохнула. Конечно, я помнила, как и то, что сегодня пятница, точнее, уже суббота, потому отдохнуть, как задумала, опять не удастся.

Мы покинули отделение и через приемный покой вышли из больницы. Было темно, ветрено и оттого неприятно. Наташка поежилась:

— Темень какая, хоть глаз выколи. Давай, до воскресенья...

Мы расцеловались, я направилась к стоянке, где была моя машина, а Наталья осталась возле освещенного подъезда ждать, когда я отъеду и махну рукой на прощание. Года три назад на этой самой стоянке пытались ограбить нашего главврача, с тех пор весь персонал больницы испытывает обоснованные опасения, а мы привыкли провожать друг друга.

Сейчас здесь стояло всего три машины: мой «жигуленок», «Запорожец» медбрата и шикарная «Ауди» Вовки Звягинцева из гинекологии. Поговаривали, что ему досталась богатая невеста. Везет же людям, мне вот достаются только тяжелые больные.

Я отперла машину, в душе надеясь, что она заведется хотя бы с пятой попытки — аккумулятор давным-давно пора менять. Но если я куплю новый, то в отпуск вряд ли уеду дальше Наташкиной Снегиревки, а мне хотелось на юг. Я вздохнула, повернула ключ, мысленно канюча: будь человеком. Машина завелась с первого раза, я удивилась, а надо бы насторожиться: с чего бы

это коварной богине удачи проявлять обо мне такую заботу?

Я выехала со стоянки, махнула Наташке рукой в открытое окно, прикидывая, какую избрать дорогу. Дело в том, что областная больница, в которой я работаю, расположена за чертой города в лесном массиве. Сюда можно добраться рейсовыми автобусами и троллейбусом, но они ходят редко и как-то неохотно. Есть, правда, маршрутные такси, эти снуют веселее. По шоссе до города километров пять, но существует еще дорога, через лес, напрямую. Она значительно короче, но и несравненно хуже. То есть дорогой она зовется совершенно незаслуженно. Наташка именует ее ослиной тропой, имея в виду меня как единственного, с ее точки зрения, осла, способного гробить здесь свою машину. По-моему, никто другой из персонала больницы проехать здесь даже не пытался. Подружка утверждает, что я принципиальный противник проторенных дорог, это не так, но, если есть шанс сократить путь, я всегда его использую.

Я притормозила на развилке, прикидывая, какую дорогу избрать сейчас. Короткая предпочтительней, но три дня назад там образовалась здоровая лужа, понадобился бы катер, чтобы пересечь ее. Я с большим трудом смогла ее объехать: на двух колесах вплотную к деревьям. Повторить этот маневр в темноте мне вряд ли удастся. С другой стороны, дни стоят жаркие и лужа могла обмелеть. Переключив фары на дальний свет, я свернула вправо и оказалась в лесу. Темень была такая, что мороз по коже, несмотря на духоту.

Будет гроза, решила я, до конца открыв окно,

и подумала о луже: после хорошего дождя здесь точно не проедешь. Придется пользоваться шоссе, очень оживленным, с постом ГАИ в полукилometре от поворота к больнице. Местные стражи порядка на дорогах хорошо меня знают и частенько останавливают за превышение скорости, правда, до сих пор ни разу не оштрафовали: как-то рассвирепев, я пообещала, что, если кто-нибудь из них попадет в мои руки, живым не выпущу. Не знаю, действительно ли они восприняли мою угрозу всерьез, но с тех пор вредничать — вредничали, но расходились мы всегда по-доброму. Наш человек мудр и помнит: все под богом.

Однако лишний раз встречаться с ними особенно желания не было, а потому дождь был бы весьма некстати, тем более что, по моим приметам, если дождь, то сразу и холод, а я в отпуск собираюсь. Размышляя таким образом, я высматривала лужу, она где-то посередине пути, то есть вот-вот появится. Я ехала не спеша, осторожно и, честно говоря, начала клевать носом, так что, если бы не лужа, я вряд ли бы его заметила. Но лужа беспокоила меня, и глаза я время от времени продирала. В той луже я его и увидела.

Он лежал прямо посередине дороги, раскинув ноги, и, странно вывернув голову, точно лежа на животе, пытался увидеть небо. Одна рука прижата к ребрам, а другая откинута в сторону. Ладонь как раз оказалась в луже. В целом зрелище мало приятное, но вполне обыденное. Недалеко отсюда свалка, где живут несколько бродяг, троих я знаю лично. Придется либо возвращаться, либо оттаскивать этого типа в сторону. Я тяжело вздохнула и заглушила мотор. Не могу

сказать, что перспективы воодушевляли; вздохнув еще раз, я вышла из машины. Мысль об опасности даже не пришла мне в голову. Во-первых, я не пуглива, во-вторых, ценных вещей не имею, и взять с меня нечего. Если кому-то придет охота позаимствовать мою машину, так скажу прямо: не завидую я тому типу. Аккумулятор сдох, движок дымит, а задний мост устрашающе воеет. Иногда я всерьез надеюсь, что какой-нибудь псих на нее позарится и я избавлюсь от проблем.

Когда я уже подходила к проклятой луже, меня внезапно охватило чувство близкой опасности, захотелось вернуться в машину: в голову лез всякий бред о сексуальных маньяках, нападающих на одиноких женщин. Я тут же себя одернула: маньяк должен быть большим оригиналом, поджидая одинокую женщину в месте, где никто не ходит и очень немногие ездят. Я усмехнулась, пытаюсь вернуть себе уверенность, но беспокойство не проходило, потому к бродяге я приблизилась с осторожностью, не стала хватать за ноги и оттаскивать в сторону, а для начала оглядела его. Сразу же стало ясно: бродягой он не был. Одет в хороший костюм, причем не просто хороший, а насколько я могла судить при свете фар, дорогой. На запястье часы, по виду золотые, а на пальце здоровый перстень с бриллиантом.

Я присвистнула и огляделась: машины нигде не видно. По моим представлениям, граждане в дорогих костюмах и с бриллиантами на пальцах по ночам пешком не бродят, а в лесу им и вовсе делать нечего. Наклонившись, я проверила пульс, он едва прощупывался. Пьян мужчина не был, потому что запаха алкоголя я не чувствовала.

Был другой, очень знакомый запах, вызывающий смутную тревогу.

Чтобы валяться в луже, надо основательно упиться. Человек не был бродягой и не был пьян.

— Повезло, — сказала я самой себе, встала на колени и принялась его ощупывать. Убедившись, что переломов нет, осторожно перевернула его на спину. Он застонал, веки дрогнули, а до меня дошло, что знакомый запах — это запах крови.

Правая сторона лица в крови, пиджак на груди превратился в лохмотья. Свет фар был тусклым, желтым и грозился погаснуть навсегда, потому я заторопилась и поднялась с колен.

Мужчину надо было срочно доставить в больницу. Оставалась слабая надежда, что он стал жертвой аварии. Хотя трудно представить, что он здесь прогуливался, был сбит неосторожным водителем и оставлен умирать возле грязной лужи. Честно говоря, я уже тогда знала, что это... Кроме нашей больницы, вокруг ничего не было похожего на место, откуда он мог возвращаться или куда мог идти. Неосторожных водителей я здесь, на лесной дороге, за пять лет ни разу не встречала. Однако за те же пять лет я успела много чего повидать: его могли сбить где угодно, а потом привезти сюда и бросить. Найдут, значит, повезло тебе, мужик, а нет, так не обессудь.

Я пошла к машине, пытаюсь решить: вернуться ли в больницу и сообщить о происшествии или везти его туда самой. Чем быстрее он там окажется, тем лучше. Неизвестно, какие травмы он получил. Счет вполне мог идти не на минуты даже, а на секунды.

Я вплотную подогнала машину к нему и открыла заднюю дверцу. Моя бабушка во время войны была санитаркой, я всегда недоумевала, слушая рассказы о том, как восемнадцатилетние девчонки выносили с поля боя дюжих мужиков. Однажды я пыталась поднять своего пьяного мужа и с третьей попытки смогла лишь привалить его спиной к креслу, он тут же сполз обратно, а я махнула рукой. С той поры я только и делала, что махала на него рукой, и он как-то незаметно перестал для меня существовать. Муж обиделся (кому ж это понравится), и вот уже год мы жили врозь.

Помня тогдашнюю неудачу, я с большим сомнением вернулась к мужчине. На мое счастье, гигантом он не был. Ростом не выше меня, худой и жилистый. Я подхватила его под мышки и приподняла, с удивлением убедившись, что особых сил мне не потребовалось. Укладывать его на сиденье я не стала: время дорого, да он мог и упасть по дороге. Пришлось ему лечь на полу. Торопливо хлопнув дверью, я для начала попыталась развернуться. Дело нелегкое. Передним бампером я задела дерево. Надо полагать, машина от этого лучше не стала, ну да бог с ней. Сейчас я думала только о том, как побыстрее довезти его до больницы. Конечно, потом станет жалко машину и досадно за свое извечное невезение. Но это лучше, чем жгучая обида, которая приходит, когда помочь ты уже не в силах, потому сейчас я и летела точно угорелая.

Над дверью приемного покоя горел неоновый свет, а медбрат Володя курил, поглядывая в темноту. Я затормозила рядом.

— За тобой что, черти гонятся? — вздохнул он.

— У нас работенка, — обрадовала я его. — Человека нашла на дороге, возможно, сбила машина.

— Хоть бы раз ты нашла чего путное, — пожаловался Брат, бросил сигарету и стал проявлять чудеса расторопности, при его комплекции и обычной лени неизменно меня удивлявшие.

Отогнав машину на стоянку, я поднялась в ординаторскую. Она была пуста. На столе горела ночная лампа, я включила верхний свет и чертыхнулась: мой элегантный костюм ярко-синего цвета был в крови.

— Не везет, так навсегда, — сказала я вслух, взяла халат и направилась в душ.

Там меня Наташка и нашла. Она хмурилась и явно нервничала.

— Плохи дела? — осведомилась я, на некоторое время высунув голову из-под струй воды.

— И никакая это не авария, — вроде бы с обидой заявила она. — Где ты его умудрилась подцепить?

— В лесу. Лежал в любимой луже.

— У него множественные пулевые ранения в область груди. Может, еще чего...

— А голова? — спросила я, принимая из ее рук полотенце.

— Ерунда. Скорее всего разбил, когда падал. Царапина. А вот грудь — это серьезно. По-моему, он давно должен был умереть. Сразу, как только схлопотал эти пули.

— Надеюсь, ты не в обиде, что он до сих пор жив? — осведомилась я, надевая халат.

— Ему всю грудь изрешетили, — не унималась Наташка. — А он держится. Прикинь?

— Да, без понятия человек, возись теперь с ним, — усмехнулась я. Наташка шла за мной и ныла:

— Ты ведь останешься?

— Я тридцать часов на ногах. Вызывай Петра Сергеевича.

— Звонят. Только ведь сегодня пятница, то есть суббота, дачный день. Мужика к операции готовят. Не можешь ты так со мной поступить...

Я плеснула в лицо холодной воды и обреченно кивнула:

— Ладно.

Петра Сергеевича разыскали под утро. Он приехал, когда операция уже закончилась. Похвалил меня с добродушной усмешкой и сказал:

— Значит, подарок из леса? Крестник то есть? Что же, если выживет, по гроб тебе обязан будет.

— Отчего ж не выживет? — обиделась я.

— Как сказал один остроумный мужчина о нашем брате: режут-то они хорошо, а вот выживать не умеют.

— Вы уедете? — спросила я.

— Уеду, Мариночка. Все, что возможно, ты уже сделала, а выходной — это свято. Особенно летом. Чего хмуришься? Ты ж не новичок, знать должна, что хирурги — жуткие циники. Привыкаешь, знаешь ли, когда каждый день с ножом на человека. А тебе немедленно спать. Такой красивой женщине круги под глазами строго противопоказаны.

— За красивую спасибо, а домой чуток подожду. Сами говорите: он мне вроде крестника.

Петр Сергеевич ушел, зато появилась Наташка, с бутербродами и термосом.

— Кишки от голодухи сводит, — пожаловалась она. — Выпей чаю...

— Не хочу.

— И я не хочу. А надо. Давай-ка, милая, ширнемся, как изысканно выражался мой бывший друг, ныне благородный отец семейства.

Я лениво протянула руку. Наташка быстро сделала укол мне, а потом и себе. Мы немного посидели с закрытыми глазами, ожидая, когда лекарство начнет действовать. Наташка долго молчать не умеет.

— Что бы я без тебя делала, — туманно начала она, а я насторожилась: не иначе как опять попросит за нее отдежурить.

— То же самое, что и со мной, — с некоторой суровостью ответила я.

— Никудышный я врач. Трусливая... Надо было идти в ветеринары, собачек лечить. И бабки там приличные, не чета нашим...

— Это точно, — согласилась я. — Давай чай пить. В девять придет Елена Кирилловна, тебе полегчает.

— Как я не люблю дежурить одна, — вздохнула Наташка, — прямо до стойкого физического отвращения. И всегда в мою смену что-нибудь случается... Ты заметила? Всегда... Быстрее бы лето кончилось...

— Чем тебе лето не угодило? — удивилась я.

— Так ведь отпуска... Смены черт-те какие, и ночами одна...

— Ладно жаловаться. — Я отодвинула чашку

и, помолчав, спросила: — Как думаешь, выживет?

— Выживет, — кивнула Наташка. — У меня глаз наметанный, кандидатов вижу сразу... Силен мужик, шесть пуль не орешки к пиву... Я его одежду посмотрела. Думаю, стреляли в него вовсе не на этой дороге, а где-то в лесу. А на дорогу он сам выполз. Прикидываешь?

— Жажда жизни, — вздохнула я.

— Чего? — не поняла Наташка.

— Рассказ есть у Джека Лондона.

— А-а-а. Вот что, ты больше через лес ездить не моги. Видишь, какие дела вокруг творятся? Хуже всего на свете оказаться в неудачном месте в неудачное время. Те, что в него шесть пуль выпустили, явно не жадничали, могли и тебе отвесить на всю катушку. Улавливаешь, на что я намекаю?

— Еще бы, — кивнула я. — Только ведь и я не совсем дура, заслышав автоматную очередь, в лес бы не сунулась.

— А почему автоматную? — удивилась Наташка.

Я вздохнула и поинтересовалась:

— Может, тебе и в самом деле в ветеринары податься?

Наташка стала злиться:

— Интересно, почему это... Объясни.

— Не хочу, — отрезала я. — Не из вредности, а из лени. А чем ты здесь столько лет занимаешься, для меня по-прежнему тайна.

С хрустом потянувшись, я направилась к двери, прихватив пакет с загубленным костюмом.

На стоянке медбрат поливал из шланга мою машину.

— Чехлы придется стирать, а так все в полном ажуре.

— Спасибо, благодетель, — обрадовалась я, как оказалось, рано. Машина категорически отказывалась заводиться. Пришлось медбратау идти за нашим микроавтобусом и немного потаскать меня на буксире.

Домой я попала ближе к обеду. Спать уже не хотелось, в голове стоял ровный гул, а руки и ноги противно покалывало. Я открыла балкон, поставила кассету Фрэнка Синатры и легла на ковер, прихватив из холодильника бутылку пива.

Синатра — лучший в мире певец, у меня лучшая в мире профессия, а этот мир — лучший из возможных.

В конце концов я все-таки уснула.

Дежурство начиналось в девять. Вообще график работы у меня удобный: сутки отдежуришь, трое гуляй. Но, как правильно заметила Наташка, летом все усложняется: отпуска. Так как мне отпуск только еще предстоял, на жизнь я жаловалась вполсилы, а в воскресенье, отправляясь в больницу, испытывала некоторое нетерпение: очень меня интересовал мой «крестник». Разумеется, в больницу я звонила и о его состоянии была осведомлена, но все равно спешила.

Смену мне сдавала Елена Кирилловна, царственная дама неопределенного возраста с золотыми руками.

— Операцию ты делала? — улыбнулась она. — Молодец.

— Как он?

— В норме.

— Выживет?

— Отчего ж нет, если сразу не умер. Мужик крепкий. Пойдешь к нему?

— Конечно.

Я уже шла по коридору, когда Елена Кирилловна неожиданно меня окликнула:

— Мариночка...

— Да? — оглянулась я.

— Не скажешь, почему это с тобой всегда что-нибудь случается?

— Ну, это просто, — обрадовалась я. — Родилась в год Свиньи, так что у меня вся жизнь — сплошное свинство.

— Везет, — кивнула Елена Кирилловна и отправилась в ординаторскую.

— Марина Сергеевна, — от поста шла Ася, наша медсестра, мы часто дежурили вместе. — У меня в столе часы и перстень вашего дядечки. Дорогие. Пропадут, не дай бог...

— Завтра отдашь за отделением. А документы у него были?

— Нет, ничегошеньки... только перстень да часы... Кругом больные шныряют, прямо хоть на себе носи...

— Что ж, ему они пока без надобности...

Я открыла дверь и вошла в палату. На вид ему было лет пятьдесят с небольшим. Ничем не примечательное лицо с широким носом и тонкими губами. Сейчас очень бледное, с синевой

под глазами. Ссадина на лбу придавала его облику что-то мальчишески-хулиганское. На пальцах левой руки, лежавшей поверх одеяла, виднелась татуировка «Юра» — надо полагать, его имя. Волосы совершенно седые, с неприятным желтоватым оттенком.

Я осмотрела его и осталась довольна. В первых, у Наташки действительно глаз наметанный, и кандидатов в покойники она отмечает сразу, во-вторых, мое собственное чутье подсказывало, что до похорон дело не дойдет.

Дежурство прошло спокойно. Так как было воскресенье, большинство больных после обхода незаметно исчезли и появились только к ужину. В пустынных и гулких коридорах стало прохладно. Ася дремала над журналом, медбрат устроился на кушетке в ординаторской и нахально похрапывал, а я то и дело заглядывала к своему «крестнику».

Утром в понедельник разразился скандал. Заведовал нашим отделением мужчина сорока двух лет, элегантный, болтливый и с хорошими связями. Его жена трудилась в областной администрации, о чем он нам простодушно напоминал дважды в неделю, как правило, в мое дежурство. Павла Степановича у нас не жаловали, считали выскочкой и неумехой. Он об этом, конечно, знал и к нам относился соответственно. Я предпочитала видеться с ним как можно реже.

Наташка считала, что он в меня влюблен. Возможно, однако любовь он выражал тем, что вечно цеплялся по пустякам. Говоря без ложной

скромности, я — хороший врач, и всерьез ко мне придирается затруднительно.

Время от времени он начинал пристально смотреть на меня и заводил разговор по душам. Я неизменно пугалась, таращила глаза и отвечала односложно, чем в конце концов умудрялась его изрядно разозлить, и он, указав на очередную досадную оплошность, отпускал меня с миром.

В понедельник я совершенно не планировала встречаться с Павлом Степановичем. Он приезжает к девяти, а я в девять уже сдаю дежурство. Но не тут-то было. Он явился часов в восемь.

— Светило медицины черт принес, — сказал медбрат. — В понедельник и такая невезуха. Скажи, за что?

— Да, — кивнула я. — Сидим тихо, починаем примус...

— Или на нас какой грех?

— Может, и есть, только мы об этом еще не знаем.

— Пойду-ка я порядок наводить в своем хозяйстве...

Я взглянула на ворох бумаг на столе и тяжело вздохнула.

В отделении наметилось оживление, трудоспособность персонала резко возросла, глаза засияли, а души возжаждали великих свершений. Одна я пребывала в сонно-ленивом состоянии и покидать его без видимых причин за сорок пять минут до конца смены не собиралась.

Павел Степанович рассудил иначе. Он возник в ординаторской в сопровождении двух доверенных лиц и, забыв поздороваться, начал с порога гневаться: